

УДК 101.1.

С.В. Комаров

КАЗУС ДУРАКА. МАЛЕНЬКОЕ ЭССЕ О ГЛУПОСТИ

В статье рассматривается феномен глупости. Глупость является не субъективной характеристикой интеллекта, а объективной характеристикой ситуации бытия человека. Рассматриваются разновидности глупости – инструментальная, социальная и нравственная, и даются их характеристики. Указывается, что каждая ситуация глупости сопровождается веселым, саркастическим или гомерическим смехом.

Ключевые слова: глупость, ум, интеллект, воля, глупец, дурак, идиот, ошибки, ситуация, безнравственность, своеволие, безволие, смех.

*«Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
Умным очень хочется, да кончится битьем».*

Б. Окуджава

*«Он все время попадает в глупые
ситуации и сам ведет себя глупо. Но он
не дурак. Просто у него такой ум».*

В «Критике чистого разума» Кант говорит, что глупость есть неспособность пользоваться своим умом¹. Многознание уму не научает, и есть множество ученых, все достоинство которых заключается в обширной памяти. Между тем как это достоинство заключается именно в рассудке (способности суждения). Глупость и есть *недостаток* рассудка. Кант не одинок в такой оценке: это общее положение для всей философии Нового времени и Просвещения – как для Декарта (аргумент о сумасшедших) и Локка (аргумент об идиотах), так для Руссо и Гердера.

Позже Ницше, а затем Фуко и Деррида показали, что глупость заключается не столько в отсутствии рассудка, сколько в его неэффективном использовании. Она есть не только недостаток, но и переизбыток ума, т.е. применение рас-

---

© Комаров С.В., 2014

Комаров Сергей Владимирович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры менеджмент и маркетинг ФГБОУ ВПО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет»; e-mail: komarov@rncpk.pstu.ac.ru.

¹ «Отсутствие способности суждения есть, собственно, то, что называют глупостью, и против этого недостатка нет лекарства» [4, с. 121].

судка за пределами разумности, там, где для этого нет возможности или необходимости. Дурак – тот, кто стремится быть умным всегда и везде; среди животных дураков нет. Глупость поэтому есть неправильное, неуместное или *неэффективное использование* рассудка. С этой точки зрения она есть не столько отрицание ума, сколько его обратная сторона, его тень, его продолжение.

И в той, и в другой версии глупость есть субъективная способность индивида. Однако действительно ли глупость относится к интеллекту, являясь его недостатком или его переизбытком? Не сами ли мы говорим: «...попал в глупую ситуацию», «поступил не по-умному...», «...глупо выглядел...», «...поставил себя в ложное положение...»? Как будто глупость не есть мера ума человека, а характеристика его бытия. Не является ли глупость не столько индивидуальной и субъективной, сколько социальной и объективной характеристикой самого человеческого бытия?

Казус дурака заключается в *онтологическом разрыве* между субъективным пониманием и объективностью поступка, между нашим здесь-бытием и объективным смыслом самой ситуации. Типология глупости и определяется типами этого онтологического разрыва.

Глупость как недостаток ума. Инструментальная глупость. Самая простая форма глупости заключается именно в недостатке интеллектуальной способности при совершении обычных человеческих дел. Кант связывает глупость не просто с недостатком способности суждения, но с неспособностью благодаря этому к совершению обычной повседневной деятельности. «Глупым называют прежде всего того, кто непригоден к делу, так как он не обладает способностью суждения» [3, с. 265].

Лучше всего эта простая глупость выражена в стихотворении С. Маршака:

Что ни делает дурак,
Все он делает не так.
Начинает не сначала,
А кончает как попало.
С потолка он строит дом,
Носит воду решетом,
Солнце в поле ловит шапкой,
Тень со стен стирает тряпкой,
Дверь берет с собою в лес,
Чтобы вор к нему не влез,
И на крышу за веревку
Тянет бурую коровку,
Чтоб немного попаслась,
Там, где травка разрослась.
Что ни делает дурак,
Все он делает не так.

Дурак вроде бы делает все, как делают люди, но не так и не тогда, когда это нужно. Такая простая глупость заключается в том, что поступки дурака совершаются с умом, но они совершенно не соответствуют обстоятельствам дела. Поврежденность разума при этом заключается или в несоответствии намерений с результатами дел – намерения лучше их исполнения (плач на свадьбе), или в несоответствии самих дел с ситуацией – результаты хуже самих дел (пляска на похоронах). Это глупость от неумения соотносить цели и средства, обстоятельства (ситуацию) и свои намерения. Иначе говоря, она связана с когнитивными ошибками разума [6, с. 47–58], и потому может быть названа также *инструментальной* глупостью.

Такая глупость есть просто временный или разовый «сбой» разума. Но такую глупость необходимо отличать от ошибки, связанной с обманом, который есть намеренное введение в заблуждение². Когнитивных ошибок много, и этот сбой простой глупости обычно выглядит комично, а именно поэтому вызывает *веселый смех*. Смешно, когда мы попадаем впросак от собственной торопливости или промедления, суеверия или невнимательности. Смешны сами наши ошибки, смешны мы сами, ошибающиеся. Смешно становится от собственной глупости, и смешно обижаться на это.

Можно выделить следующие подвиды простой глупости – «*дурачок*», «*круглый дурак*» и «*дурак набитый*». «Дурачком» обычно называют того, кто совершает глупости по простому недомыслию или поспешности. Уменьшительно-ласкательное обращение, как обращение к детям, не достигшим интеллектуальной зрелости, говорит о снисхождении к нему окружающих: человек сам себя поставил в смешное положение. «Не подумал...», «не хотел, но сделал...», «не учел все обстоятельства до конца...» Субъект был способен к разумению, но не проявил внимания и разумения и благодаря этому совершил ошибку. При этом эта ошибка не имеет серьезных последствий для окружающих; ущерб от глупости здесь относится только к самому субъекту. Он вел себя как ребенок, а потому такое и обращение к нему. Детское обращение к «дурачку» имеет обратную сторону: возможность оценить свое интеллектуальное превосходство. Поскольку такая оценка поступка визави дарит радость превосходства, постольку она и сопровождается веселым смехом и снисходительным обращением.

Совсем иная ситуация, когда глупец в своих действиях руководствуется упорством. Здесь его глупость «задевает» окружающих. Кант пишет: «Того, чья глупость оскорбительна, называют дураком» [3, с. 265]. Оскорбление здесь заключается в пренебрежении к окружающим вообще, неучитывании их присутствия, их действий и их реакций на его поведение. Эта ситуация также сопровождается смехом, который, правда, является уже не веселым, а натянутым. Без-

² С глупостью связан не обман, а *самообман*; но он есть проявление не инструментальной, а иных форм глупости – глупости социальной и поврежденной воли, которые будут рассмотрены далее.

заботность, связанная с комизмом ситуации, сменяется напряженным смехом раздражения. Более того, раз за разом повторяющиеся дурацкие действия заставляют на первых порах подозревать интеллектуальную ущербность, которая и характеризуется как «круглая», т.е. совершенная глупость. Признание «круглой глупости» визави примиряет с ним, хотя и не порождает того снисходительного превосходства, которое возникает в общении с «дурачком».

Разновидностью «круглого» дурака является «дурак набитый», когда глупость поведения сочетается с апломбом, высокомерием и необоснованной уверенностью в своем превосходстве над окружающими – в том числе и интеллектуальном. Кант говорит об этом так: «Высокомерный человек – дурак, ибо прежде всего глупо ожидать от других, чтобы они в сравнении со мной ставили себя ни во что... Но это имеет своим последствием лишь высмеивание» [3, с. 265–266]. «Набитый дурак» смешон; он похож на надувшегося индюка, гордого своими мнимыми достоинствами. «Вообще глупый человек усматривает в *вещах*, а дурак – в *самом себе* больше ценности, чем следовало бы, если бы он был разумным» [3, с. 265]. Глупость «набитого дурака» в том, что он слишком серьезно относится к своей персоне. От этого спасает только ирония (самоирония).

Однако чем дальше продолжают эти повторяющиеся «глупые» действия (поступки), тем более возрастает сомнение в отсутствии простой глупости и растет подозрение в скрытых причинах такого упорства (упрямства). Он – «дурак», потому что ведет себя «непонятно». И эта его непонятность и неспособность окружающих его понять раздражает еще больше. Он не просто «дурак», он – «чудак», поскольку даже житейский опыт (житейская мудрость) его не учит. Он глуп, потому что «ничему не учится». Он не просто «дурак», но «самодур», поскольку его упрямство и есть выражение его собственной дурости. От самодурства ничего спасти не может, кроме осознания дураком своей собственной глупости. Интеллектуальное превосходство над «круглым дураком» не приносит радости. Обычно эта ситуация приводит к его относительной социальной изоляции; с дураками не общаются.

Таким образом, ситуация простой, когнитивной или инструментальной, глупости связана со сбоем работы рассудка (способности суждения). Эта ситуация относительно безобидна, поскольку она наносит вред прежде всего самому субъекту глупости, хотя и не всегда легко переносится окружающими.

«Горе от ума». Социальная глупость: случай барона Мюнхгаузена.

В отличие от когнитивной, или инструментальной, глупости, связанной с неумением соотнести цели и средства, этот случай имеет совсем другие основания. Это своеобразный догматизм ума, связанный с попыткой следовать принципам, которые отличаются от сложившихся социальных обстоятельств (Umstand). Речь идет именно о следовании принципам разума, а не о случайном сбое рассудка. Это *глупость социального разума*. Способность суждения

функционирует правильно, и субъект хорошо понимает различие между наличными обстоятельствами и требованиями разума, но последние выше и важнее. Это попытка именно следовать уму, а не обстоятельствам.

Легально эта ситуация мало чем отличается от ситуации «круглого дурака», но принципиально – это есть совсем другой случай. Именно это несовпадение условий для реализации намерений и действительности, возможности реализации и необходимости следовать принципам разума выступает как *ситуационная характеристика* глупости. Поскольку всегда существует отличие самого разума и условий его проявления, постольку разумность и/или глупость самого разума заключаются в *уместности* его *проявления* [7, с. 96]. Глупость поэтому здесь не столько мера интеллекта, сколько мера совпадения его и самой социальной действительности.

Именно с этим мы и имеем дело при столкновении со второй формой глупости: «горе от ума» заключается в ситуации, когда следование разуму неуместно, но невозможно не действовать. Мы можем сознавать глупость своих поступков, но не можем отказаться от их совершения, ибо этого требует от нас разум.

Элементом любой такой ситуации является не только наш разумный субъект, но и иные разумные субъекты. Расчет действия поступка зависит от рефлексии, которая включает в себя понимание ответных действий на этот поступок других разумных субъектов. Результат поступка, в свою очередь, зависит от точности/неточности этой рефлексии. Однако есть еще и свобода воли и самого субъекта действия, и других участников ситуации. И потому даже точность рефлексии не спасает от того, что результирующая поступка может быть иной. В этом случае следование уму не всегда выглядит «умно»; даже если я знаю, как воспримут мой поступок окружающие, я не могу отказаться от его совершения, ибо это будет проявление отказа от собственного разума. Человек, как монада, не может изменить своей природы и меры совершенства, а потому действие всегда равно страданию [5, с. 421]. В первом случае поступок будет выглядеть как *глупость поступка*, во втором случае как *глупость ума*. Это *патовая ситуация* или *ситуация патологии ума*.

Возьмем случай барона Мюнхгаузена (речь идет о художественном фильме «Тот самый Мюнхгаузен»). Он заключается в том, что все действия и поступки барона сами по себе строго рациональны и внутри его сознания строго обоснованы. Да и вызывает барон к сознанию и совести иных людей, почитая и полагая их носителями *того же* самого сознания и совести. Однако последние ими не обладают; в их глазах поступки барона изначально глупы; барон, так сказать, глупец *per excellence*. Он – всегда другой; не то чтобы окружающие люди не понимают барона, скорее – не вполне понимают, а еще точнее – понимают, но не принимают. Барон не может не следовать своему разуму, но это всегда оборачивается глупым поведением.

Однако ситуация здесь может быть понята и как зеркально обратимая: глупость как недостаток ума есть присущая всем остальным участникам характеристика. Интеллектуально скорее глупы они, а не барон, ибо не видят последствий своих поступков. Чем же они руководствуются в отсутствие ума (скажем осторожнее, в недостаточной глубине ума, ибо на поверку они знают об этой своей слабости интеллекта, но предпочитают не знать)? Знанием. Знанием порядков, стереотипов поведения, ритуалов. В социальной («коммунальной») жизни люди часто путают понимание и знание; они хорошо знают социальные законы их жизни и вполне ими руководствуются в повседневности, но совсем не понимают их природы. Интеллектуально они глупы, но социально они умны [2, с. 57–59]. А барон, наоборот, интеллектуально умен, но социально – он полный глупец. Он выглядит «белой вороной», потому что, следуя своему разуму, ведет себя не так, как принято в порядочном обществе.

Однако мы тоже можем усомниться в интеллекте барона. Похоже, он совсем не выучил уроков Декарта или Канта, которые настаивают на том, что первый принцип следования своему уму всегда ведет за собой презумпцию ума других, а следовательно, необходимость соблюдать и не нарушать общепринятые правила общежития. Если барон настаивает на верности и долге своим принципам, то он очевидно глуп, ибо не видит их несоответствия требованиям, ожиданиям и оценкам окружающих. Если он видит это несоответствие, но упорствует, он еще более глуп, ибо не может не признавать бессмысленности такого упорства. В этом случае – он не просто другой, но «чужой». В первом случае глуп сам герой, во втором случае – глупа ситуация его отказа от разумного социального поведения. Или, наоборот, в первом случае глупа ситуация его следования разуму, во втором – глуп он сам, потому что ведет себя в глазах окружающих глупо. Для того чтобы вести себя умно, в соответствии с умом, ума не нужно; наоборот, разумно быть глупым. В этом и заключается социальный разум.

Глупость здесь отнюдь не интеллектуальная характеристика, а ситуационная (социальная) характеристика: глупа сама ситуация, сама жизнь. Здесь нет комизма ситуации, но она также сопровождается смехом. Драматизм этой ситуации оборачивается *саркастическим* смехом. Саркастически смеются горожане над бароном; саркастически надсмехается барон над бургомистром, женой, судьями... Саркастически смеются Скалозуб и Фамусов, Софья и Молчалин над Чацким; но и в словах Чацкого слышится скрытая ирония над глупостью окружающих... Раздраженный смех слышится в словах Чаадаева, но издевательски-саркастическим со стороны Николая I является и объявление его сумасшедшим. Саркастический смех сопровождает социальную глупость, ибо без него принять социальную действительность просто невозможно.

Антиномия между глупостью поступка и глупостью ума отнюдь не безобидна; в коммунальных условиях это вопрос жизни и смерти. У разумного человека в такой ситуации есть два выхода: «отказаться» от ума или «сойти с ума». «Отказ от ума», чтобы выжить на «корабле дураков», означает ситуацию добровольного принятия глупости ситуации, добровольного «поглупления». Все герои фильма говорят барону Мюнхгаузену: «Присоединяйтесь, барон, присоединяйтесь». Стать «глупым» как все – есть высшая доблесть ума в ситуации, когда нет иного выхода. Однако проблема здесь заключается в том, что принятие глупости социальной жизни оборачивается реальной глупостью. Бытие в такой ситуации не требует применения ума, достаточно соблюдения социальных инстинктов. Сохранение ума в этих условиях может оборачиваться поиском и приписыванием каких-то особых трансцендентальных смыслов убогим условиям существования. Так вели себя все советские люди: вынужденные жить в глупой социальной действительности. В условиях коммунальной глупости «вороньей слободки» они вынуждены были признавать за ней особый трансцендентный смысл. Однако это оправдание социальной глупости отнюдь не спасает от действительной глупости своего поведения. Глупо взывать к совести людей, живущих в условиях концентрационного лагеря, глупо спрашивать, знал или нет Сталин о репрессиях, глупо проявлять моральные качества в аморальных условиях коммунального бытия и т.д. Глупо кричать: «а король-то голый», когда все уже видели короля в новом платье! «Отказ от ума» оборачивается его патологией, действительным сбоем рассудка: нельзя быть глупым «для себя» и разумным «для других».

Другой выход – это попытка сохранить верность своему уму путем бегства или внутренней эмиграции от абсурда и глупости социальной ситуации. Но это бегство оборачивается «сумасшествием». Барон Мюнхгаузен превращается в садовника Мюллера, Александр Чацкий бежит в глушь Саратовской губернии, Петр Чаадаев становится домашним арестантом, а Мастер впрямую попадает в психушку. Но и все они тоже становятся «сумасшедшими». Почему? Потому что предельная разумность в глупых условиях, следование своему долгу в неразумных обстоятельствах есть действительное сумасшествие. Необходимо следовать своим принципам вопреки возможности их практической реализации; я разумен потому, что следую доводам разума в своих поступках, но в них-то я и не могу реализоваться в качестве разумного существа. Кантовское разрешение этой антиномии в пользу неуклонного следования долгу за пределами философского рассуждения всегда понималось как непрактическая глупость³. Нельзя быть умным «для себя» и глупым

³ Действительно, не глупым ли действительно выглядит этот философ в его предельной педантичности в прогулках по одному и тому же маршруту в течение 30 лет? В его специальных механических машинках для усмирения собственной сексуальности? Наконец, в его ужасном скандале со слугой Лампе, который прослужил ему более 20 лет? Русские философы всегда подозревали, что высшая рассудочность Канта есть глупость.

«для других». Сознание этого сразу выявляет мою неразумность: глупо следовать рассудку, если он не способен практически реализоваться. «Разумность» для себя есть не объективная, а только субъективная, не действительная, а значит, не подлинная разумность. Субъективная разумность есть разумность не настоящая, ложная разумность, разумность «понарошку», простая игра воображения. Понимание этого ведет от притворного сумасшествия к действительному.

Здесь противоположности смыкаются. Если «отказ от ума» и притворная глупость ведут к действительной глупости и «сумасшествию», то притворное «сумасшествие» ведет в действительной потере ума и реальному «отказу от него». Ни смирение, ни бунт против глупости не спасают от нее. Антиномия глупости поступка и ума заключается в том, что никакое притворство дураком невозможно: если человек ведет себя, как дурак, он становится таковым на самом деле. Ситуация «двоемыслия» и есть легальное сумасшествие. Подпольное существование, по существу, невозможно; оно, строго говоря, является *не-существованием*. В этом и заключается крайняя неэффективность, т.е. глупость социального разума.

Однако эти альтернативы – «отказа от ума» и «сумасшествия» – все же крайности. В повседневности ситуации социальной глупости не столь остры и трагичны. Обычное «горе от ума» – это рядовое проявление социальной глупости. Все ситуации «дурака начальника», «глупого подчиненного», «слепца в семейной жизни», «профессора-недоумка», «глупого студента» таковы. Умный человек может поставить себя в глупое положение, и, следуя разумным доводам, может оказаться в глупой ситуации. Он – дурак не в силу отсутствия интеллекта, а в силу самой ситуации, быть в которой умным попросту невозможно. Это не отсутствие интеллекта, а отсутствие возможности для ее полной (совершенной) реализации. «Дурак от ума» – это стоик, находящийся в тупиковой ситуации.

«Идиот». **Нравственная глупость, или поврежденность воли.** Принципиально иной является ситуация «идиотизма». Речь идет об особой разновидности глупости, которая имеет иную онтологическую природу. Это *нравственная глупость*. Нравственность связана с целями и ценностями, которые являются результатом волевого выбора. Разум здесь абсолютно свободен; он с одинаковой силой может обосновывать те или иные цели и ценности человеческой жизни и с такой же силой может их отвергать. Но именно поэтому нравственная глупость заключается или в безразличии к нравственным ценностям, или в отказе от их выбора, поскольку разум их обосновать не может, и/или поэтому в произволе разума. Коротко говоря, нравственная глупость заключается в *отказе от нравственных ценностей*, коль скоро они представляются относительными. Казус дурака при этом связан с отсутствием понимания того, что без нравственных ценностей сама эффективность инструмен-

тального или социального разума также поставлена под вопрос. Безнравственность, безволие или своеволие есть указание на необоснованность самого человеческого существования (в том числе – необоснованность самого разума). Настоящий дурак тот, кто отказывается от нравственного выбора; этим он блокирует действие воли и открывает путь эгоизму, произволу и преступлению. Парадокс ситуации в том, что этот отказ от нравственности совершается при полной силе ума. Нравственный «идиотизм» – это самый скрытый вид глупости, потому что люди этого не видят и не хотят знать. Мы не хотим, не можем и не решаемся стать нравственными, а потому не хотим ничего об этом знать. Это «глупость» или «поврежденность» воли.

В чем феномен князя Мышкина? По своей внешности, речи и поведению – он сущий ребенок и «дурак» в социальном смысле. Он совершенно не принимает во внимание важные социальные атрибуты – статус человека, его внешний вид, одежду, принятые в обществе знаки признания и т.д. Но его «идиотизм» заключается не в этом, а в том, что, будучи «дураком» в социальном плане, он является самым нравственным существом. Казус дурака в его положении заключается в его стремлении быть нравственным в мире, где для такого бытия почти нет места.

Князь Мышкин – «идиот», потому что он исповедует и следует нравственным принципам, которые, с одной стороны, признаются и разделяются другими, а с другой стороны, не признаются и отвергаются ими. С одной стороны, все окружающие (и Рогожин, и Гаврила Ардалионович, и генеральша Епанчина, и Аглая, и Настасья Филипповна) признают христианские ценности и нормы в качестве безусловных и разумных принципов социального существования. Но, с другой стороны, в своих поступках они следуют совсем другим принципам, обнаруживая своеобразный паралич воли. Сознание собственного волевого бессилия непереносимо; поэтому его лучше забыть или «оправдать». Поскольку воля – это разумная мотивация и именно способность суждения должна дать объект достойного желания, то эффективность рассудка и заключается в том, чтобы оправдать такое «безразличие воли» или принять «предмет» воли как достойно желаемый. Например, желать Настасью Филипповну как «падшую» женщину недостойно, но поскольку это желание довлеет, то разумным является «оправдание» такого желания как нравственного или как проявления собственного достоинства воли. Или другой пример. Поскольку разум, как нам показал Кант, не может доказать абсолютность нравственных принципов и их приходится принимать на веру, то я имею право выбирать любые, в том числе – коммунальные «принципы» социального бытия. Правда, сам Кант требовал безусловного следования категорическому императиву и долгу, но ведь и к самому кантовскому требованию это право выбора относится. Не так ли? Не удобнее ли следовать

принципам разумного эгоизма? Или простым правилам социального общежития? Тем более что именно в этом и проявляется эффективность и сила нашего разума...

Антиномия, открываемая здесь, заключается именно в том, что эффективность ума в этом случае проявляет себя как действительное выражение *анемии* воли. Князь Мышкин своим поведением открывает окружающим то, что они хотели бы забыть: эту их *безнравственность, своеволие* или *безволие*. И потому – он «идиот».

Во-первых, он – «идиот» потому, что видит и понимает действительную сущность окружающих его людей лучше, чем они понимают самих себя. Он указывает окружающим на то, что им самим хорошо известно, но что они хотят забыть. Он заставляет всех вспомнить об их нравственной, а не социальной природе; тем самым он вынуждает их быть нравственными. И тем самым он ставит их в глупое положение, поскольку они на это неспособны. А это безнравственно, указывать людям на то, что им неприятно знать и помнить о себе! Неспособность нравственного существования или слабование нравственной воли обнаруживает нравственное «двомыслие» окружающих. Перед лицом князя все обнаруживают свое глупое положение. Это полный «идиотизм», когда полный социальный «идиот» демонстрирует нам «глупость» нашего собственного существования, тем более что мы об этом и так знали (правда, не хотели знать)! «Глупость» нашего существования обнаруживается в том, что мы *не хотим быть* нравственными⁴.

Во-вторых, князь Мышкин – «идиот» потому, что не существует «расхождения» между его словами и его делами. Социально князь совершенно неразумен, он как малое дитя в социальных играх и отношениях: что думает, то и говорит и делает. Но таким своим глупым поведением он невольно обнаруживает и социальную глупость окружающих. В самом деле, князь глуп, а мы – умны; мы-то хорошо знаем отличие мыслей от действий; мы хорошо понимаем, что следовать долгу не всегда разумно; что желания очень важны и для их реализации надо иногда поступать принципами. Нам хорошо известно, что тот, кто не хочет поступать принципами, социально глуп. Но понимание этого тут же обнаруживает, что всякое рассудочное оправдание

---

⁴ Мы не рассматриваем здесь феномен «злой воли», который был блестяще проанализирован Ф.М. Достоевским и который заключается в желании *быть безнравственным*. Это прямо противоположные элементы: не желание быть нравственным, а желание быть безнравственным. Последнее связано не с повреждением воли – именно воля здесь абсолютна, – а с повреждением разума – при абсолютном правильно функционирующем рассудке. Повреждение разума не есть глупость, это болезнь; потому что отрицание абсолюта нравственных ценностей означает признание в качестве такового собственного не-бытия. Более того, эта болезнь заключается в *наслаждении* своей безнравственностью (Ставрогин, Мармеладов, Смердяков). Такой поврежденный разум не понимает, что наслаждение собственным не-бытием возможно только при условии нравственности других; тотальная безнравственность означает тотальное не-бытие. Тотальное освобождение от «химеры совести» означает фашизм [1, с. 850–853].

текущих временных желаний обнаруживает не разумность, а как раз чистое своеволие. Наша рассудочность сильна в инструментальном плане и глупа в своеволии; социальная рассудочность эффективна в социальных ролях, но ставит нас в глупое положение при их постоянном непостоянстве социальных отношений и т.д. *Своеволие* наше и заключается в том, что мы можем выбрать все что угодно, но только не *нравственность* своего существования. Это полный «идиотизм», когда другие глупые и никчемные в социальном плане людишки демонстрируют нам «глупость» нашего собственного существования, тем более что мы – как разумные существа – все и так хорошо понимаем, да изменить-то при этом ничего нельзя! Однако «глупость» нашего существования обнаруживается именно в том, что при полном своеволии мы не просто не хотим, но еще и *не можем быть* нравственными и разумными.

Наконец, в-третьих, князь Мышкин – «идиот» потому, что он *умеет* жить, следуя своим нравственным принципам, а окружающие этого не умеют. Следуя своим принципам, князь отнюдь не ожидает «ожидаемой» ответной реакции окружающих; он знает, что быть нравственным трудно. И тем самым он ставит их в еще более глупое положение. Мало того, что он «знает» нас лучше, чем мы знаем самих себя. А что может быть глупее незнания самих себя? Мало того, что своим поведением он вынуждает и нас попытаться вести себя нравственно, а это совсем неразумно в социальном плане. А что может быть глупее неразумного социального поведения? Но самое главное, что, поступая так, он нас *склоняет* к нравственному существованию, но не *принуждает*. Такое принуждение может быть только действием нашей собственной воли. Обнаружение этого означает, что имеется наша личная свобода и наша личная ответственность за наше существование: быть или не быть нравственными. Обнаруживается, что никто за нас не сможет быть нравственным (даже Христос), потому что никто за нас просто не может быть...

Невыносимость и «идиотизм» этой ситуации в том, что никчемный человечико обнаруживает нашу собственную никчемность как неспособность решиться. Решение (*Entscheidung*) и есть наше обращение в наличной ситуации; оно не «изымает» нас из действительной ситуации, но открывает в ней нашу иную возможность существования [7, с. 299]. Наличная ситуация социального бытия всегда закрыта, ибо возможности нашего существования в этом случае отданы на откуп другим. Она вся определена правилами социального общежития и вся регулируется инструментальным или социальным разумом, который мы усвоили в процессе воспитания, социализации, общения и т.д. Наш разум, наше сознание воспитаны и определены этим процессом социального бытия; потому-то мы и разумны, а отнюдь не «глупы». И вдруг мы обнаруживаем, что в этой наличности есть «дыра»; что для того чтобы *быть*, простой наличности разума недостаточно; что для этого необходимы воля и решимость быть нравственными. Вся проблема в том, что мы не просто не хотим или не можем, но *не*

умеем быть нравственными... Всякие «идиоты» (князь Мышкин, профессор Штрум, «юродивая» из фильма «Розыгрыш», и т.д.) умеют это, а мы нет... Они могут решиться на это, а мы не способны...

«Идиотизм» князя Мышкина заключается в том, что он – «умный». В своей глупости он оказывается умней нас, умных людей, потому что он хочет быть нравственным, а мы этого боимся. Этот страх мы изживаем цинизмом нашего повседневного существования (безнравственность). Для существования в повседневности никакой нравственности, совести и воли не нужно. В своей глупости он оказывается умней нас, умных людей, потому что он может быть таковым, а мы бежим этого. Это бегство заключается в том, что мы руководствуемся в повседневности только социальными ритуалами и правилами (безволие). Наконец, в своей глупости он оказывается умней нас, умных людей, потому что он умеет быть нравственным, а мы нет. Это неумение мы покрываем умением эффективно пользоваться рассудком (своеволие)⁵.

Попустительство ума при безнравственности воли и есть настоящий «идиотизм» нашего бытия. Сознание «идиотизма» рождает не веселый или саркастический смех, а *сардонический* или *гомерический хохот*. Так смеется Настасья Филипповна, так смеется Парфён Рогожин. Это не смех радости или смех горькой иронии, но злобный смех Заратустры или Маргариты. Это хохот абсурда; смешон Мышкин, который взывает к нашему нравственному чувству; смешны те, к кому он взывает, потому что обнаруживается их действительная безнравственность. Смешна сама ситуация требования нравственности, когда люди ее не хотят, когда они не могут и не способны быть нравственными. Это гомерический смех глупости самого бытия.

Но вся суть в том, что обнаружение нравственной глупости связывается с пониманием невозможности строго нравственного бытия. (Потому-то князь Мышкин действительно «идиот».) Невозможно не руководствоваться инструментальным разумом, невозможно не следовать социальным нормам в повседневной жизни, невозможно быть всегда совестливым. Нельзя быть абсолютно рассудочным, абсолютно разумным и нравственным, а потому избежать глупости никому не удастся.

Но это значит, что глупость не признак нашего ума или наличной ситуации; она есть *онтологическая характеристика* нашего существования. Трагизм ситуации человека в изначальной конечности его бытия; конечность и есть мера ума/глупости. Это и есть онтологический разрыв между нашим здесь-бытием и объективным смыслом ситуации, между пониманием и ре-

---

⁵ Высшим выражением нравственной глупости является формула известного советского философа: «У тебя есть совесть? – Да, есть. Но я ею не пользуюсь». При том что автор сам был лично высоконравственный человек (что доказано его личными поступками), своей формулой он выразил ситуацию повседневного наличного здесь-бытия советского человека; ситуацию, в которой просто нет места для совести, для нравственных поступков или подвига. Она выражает цинизм, самодовольство и торжество калькулирующего рассудка в условиях коммунального существования.

альностью. Наша ситуация фактического существования всегда является границей между умом и глупостью; наше бытие умно и глупо одновременно. Мы умны в инструментальной эффективности, но глупы в социальной жизни; мы умны в социальной жизни, но глупы в нравственном плане, ибо социальное существование не имеет смысла без нравственного оправдания. Мы умны в нравственном вызове, но оказываемся совершенными идиотами в социальной жизни. А потому нужно говорить не только об инструментальной, социальной или нравственной, но и об *онтологической* глупости.

Список литературы

1. Гроссман В. За правое дело. Жизнь и судьба. – М., 2013.
2. Зиновьев А.А. Зияющие высоты. – М., 2000.
3. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб., 1999.
4. Кант И. Критика чистого разума. – М., 1994.
5. Лейбниц Г. Монадология // Лейбниц Г. Соч. в 4 т. – М., 1982. – Т.1.
6. Марина Х.А. Поврежденный разум. Теория и практика глупости. – М., 2010.
7. Роттердамский Э. Похвала глупости. – М., 1986.
8. Хайдеггер М. Бытие и время. – М., 1997.

Получено 16.01.2014

S.V. Komarov

CASUS OF FOOL. LITTLE ESSAY ABOUT STUPIDITY

Phenomenon of stupidity is being considered in the article. Stupidity is not a subjective characteristic of intelligence, but an objective characteristic of human existence situation. Variety of stupidity has been considered. They are: instrumental stupidity, social and moral ones. The author gives their characteristics and shows that every situation of stupidity is followed by cheerful, sarcastic or Homeric laughter.

Keywords: stupidity, mind, intelligence, will, fool, clown, idiot, errors, situation, immorality, self-will, lack of will, laughter.